

Макеева Инна Владимировна,
к.ю.н., доцент, ОУП ВО «АТиСО»
Makeeva Inna Vladimirovna
EUP VO "ATiSO"

Чуриков Михаил Васильевич,
Магистрант, ОУП ВО «АТиСО»
Churikov Mikhail Vasilievich
EUP VO "ATiSO"

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ
(ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА,
ПРИБРЕТЁННЫХ ЛИЦОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
CRIMINAL LIABILITY OF OFFICIALS FOR THE LEGALIZATION (LAUNDERING)
OF MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY A PERSON AS A RESULT
OF THE COMMITMENT OF A CRIME**

Аннотация. В статье анализируются особенности уголовной ответственности должностных лиц за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых самим лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ), с акцентом на квалифицирующий признак «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения». Обозначаются соотношение ст. 174 и 174.1 УК РФ, доктринальное понимание легализации преступных доходов, содержание специального субъекта, а также ключевые проблемы квалификации, выявленные судебной практикой и научной литературой.

Abstract. This article analyzes the specifics of criminal liability of officials for the legalization (laundering) of funds or other property acquired by the individual through the commission of a crime (Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), with an emphasis on the qualifying element of "commission of an act by an individual using his or her official position." The article outlines the relationship between Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the doctrinal understanding of money laundering, the definition of a special subject, and key issues of qualification identified by judicial practice and scientific literature.

Ключевые слова: Легализация (отмывание) доходов, ст. 174.1 УК РФ, должностное лицо, служебное положение, предикатное преступление, коррупция.

Keywords: Legalization (laundering) of income, Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, official, official position, predicate crime, corruption.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путём, признана одним из ключевых детерминантов латентности предикатных преступлений и важнейшим фактором криминогенного воздействия на экономическую безопасность государства. Особую общественную опасность представляет легализация преступных доходов должностными лицами, поскольку в таком случае совпадают сразу несколько криминализованных линий поведения: злоупотребление публично-властными полномочиями, хищение либо иное корыстное преступление и последующее введение преступных доходов в легальный оборот [1].

Российский законодатель выделил специальный состав легализации имущества, приобретённого самим лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ), а в числе квалифицирующих признаков прямо указал совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения (пп. «б» ч. 3, ч. 4 ст. 174.1 УК РФ). Тем не менее практика показывает невысокую устойчивость обвинительных приговоров по ст. 174.1 УК РФ, в том числе в отношении должностных лиц, что обусловлено как конструктивными недостатками нормы, так и сложностями доказывания специальной цели и специального статуса виновного [1, 2, 3].

Статья 174 УК РФ устанавливает ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, заведомо приобретённых другими лицами преступным путём. В свою очередь, ст. 174.1 УК РФ предусматривает ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретёнными самим лицом в результате совершения им преступления, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанным имуществом [3, 4].

Таким образом, ключевым разграничительным критерием между ст. 174 и 174.1 УК РФ является субъект предикатного преступления: при ст. 174 УК РФ он отличен от лица, совершающего легализацию; при ст. 174.1 УК РФ речь идёт о так называемом «самоотмывании» (self-laundering), когда лицо сначала совершает предикатное преступление, а затем легализует полученные результаты [5].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 подчёркивает, что обязательным признаком легализации является цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступно приобретёнными средствами либо имуществом. При этом [2]:

- распоряжение такими средствами для личного потребления (приобретение товаров первой необходимости, оплата обычных бытовых услуг и т.п.) не образует состава легализации;
- о наличии цели легализации могут свидетельствовать, в частности, приобретение недвижимости, предметов роскоши, сложные цепочки переводов, использование фирм-«однодневок», в том числе при трансграничном перемещении капитала.

Состав преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, носит формальный характер: преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одной финансовой операции или сделки с преступным имуществом при наличии специальной цели, независимо от фактического наступления последствий в виде «успешного» включения средств в легальный экономический оборот. Такая конструкция, с одной стороны, расширяет возможности уголовно-правового реагирования, с другой – обуславливает повышенные требования к доказыванию субъективной стороны [1, 2].

Современная практика и доктрина исходят из того, что предметом легализации по ст. 174 и 174.1 УК РФ могут быть не только наличные и безналичные деньги и материальные вещи, но и иные имущественные права, включая цифровые валюты (криптовалюту) в пределах, прямо обозначенных «антиотмывочным» и специальным законодательством. Верховный Суд РФ признал возможным рассматривать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, полученных преступным путём, как предмет легализации, что имеет принципиальное значение и для оценки действий должностных лиц, использующих сложные цифровые схемы при отмывании бюджетных и коррупционных доходов [5].

Квалифицирующим признаком ст. 174.1 УК РФ выступает совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения. Несмотря на то, что диспозиция не использует термин «должностное лицо», судебная и научная практика обоснованно исходит из того, что под таким лицом понимается субъект, обладающий статусом должностного лица в смысле примечаний к ст. 285 УК РФ и иных норм Особенной части УК РФ [1, 3].

Использование служебного положения выражается в применении виновным предоставленных ему по службе прав и возможностей вопреки интересам службы с целью облегчить или обеспечить легализацию преступных доходов. Для должностных лиц это, в частности:

- распоряжение бюджетными средствами или имуществом публично-правовых образований через фиктивные или завышенные государственные и муниципальные контракты с последующим «обналичиванием» и возвращением части средств организаторам схемы;
- использование контролируемых государственных или муниципальных предприятий и учреждений для «прогонки» средств, полученных в результате взяточничества, мошенничества, злоупотребления полномочиями;

– выдача заведомо незаконных разрешений, лицензий, заключений, обеспечивающих прикрытие фиктивных финансовых операций, «дробление» платежей и сокрытие истинного источника происхождения средств.

Особенность ответственности должностных лиц по ст. 174.1 УК РФ заключается в том, что они, как правило, являются одновременно субъектами предикатного коррупционного или иного корыстного преступления (получение взятки, мошенничество, присвоение, растрата, злоупотребление должностными полномочиями и др.) и преступления по легализации. На это указывалось, в частности, в работах А.И. Бастрыкина, где подчёркивалась высокая латентность хищений бюджетных средств, совершаемых при участии чиновников и сопровождаемых их последующей легализацией [4].

Уголовная ответственность должностных лиц за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления, занимает особое место в системе мер противодействия коррупции и экономической преступности. Наличие специального состава самоотмывания (ст. 174.1 УК РФ) и квалифицирующего признака использования служебного положения позволяет адресно реагировать на наиболее опасные формы криминального поведения должностных лиц.

Вместе с тем анализ законодательства, правоприменительной практики и научных подходов показывает, что значительная часть проблем связана с конструктивными особенностями ст. 174.1 УК РФ (формальный состав, широкое пространство для усмотрения при оценке цели и способов легализации), а также с неопределённостью критериев разграничения легализации и обычного распоряжения преступными доходами в рамках предикатного преступления. Это порождает как риск избыточной криминализации и использования ст. 174.1 УК РФ в качестве «репрессивного резерва», так и противоположную опасность – ухода наиболее опасных форм отмывания от ответственности

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2025). Ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Бастрыкин А. И. Расследование легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма: криминалистические и уголовно-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021.
4. Кучумов А. В. Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты // Журнал российского права. 2022.
5. Кочои С. М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретённого лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 119–129

